УДК 94(47)“XV-XVII”+ 348.01

Протоиерей К. А. Костромин

Кормчие книги второй половины XV — первой половины XVII в. как отражение правовой культуры

Аннотация. В статье уточняются некоторые моменты становления церковной правовой культуры в Московской Руси через историю бытования Кормчих книг. Увеличение числа Кормчих во второй половине XV в. объясняется становлением бюрократического аппарата и попытками Церкви защитить свое недвижимое имущество. Острое обсуждение проблемы в начале XVI в. привело к появлению авторских редакций Кормчей. Последующее бытование ее более утилитарно, что отражает снижение их востребованности, поскольку они перестают быть объектом творчества. Первая половина XVII в. прошла в новой обстановке: в переживании последствий введения патриаршества (что отразилось в появлении предисловия к печатной Кормчей 1653 г.) и обновлении ее состава, что возвращает ее актуализацию, подобно обстоятельствам 1510–1530 гг.

Ключевые слова: *история Русской Церкви, Кормчие книги, церковное право, Вассиан Патрикеев, нестяжатели*

Для цитирования: *Костромин К. А.* Кормчие книги второй половины XV — первой половины XVII в. как отражение правовой культуры // Церковь. Богословие. История. 2026. № 7. С. 390–397.

Сведения об авторе: Костромин Константин Александрович, протоиерей — кандидат исторических наук, кандидат богословия, проректор по научно-богословской работе, доцент, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии Русской Православной Церкви, старший научный сотрудник Института теологии Санкт-Петербургского государственного университета (Российская Федерация, г. Санкт-Петербург). *E-mail: k.a.kostromin@mail.ru*

Основные вехи изучения Кормчих книг московского периода, связанные с трудами В. Н. Бенешевича, Я. Н. Щапова, Е. В. Беляковой и других, подытожили диссертация и двухтомная монография М. В. Корогодиной, в которой выделены ключевые особенности каждой из эпох, начерчены ключевые связи с историческим контекстом, описаны составы Кормчих, выделены редакции, отмечены рукописи и установлены взаимосвязи[1]. Однако к ее наблюдениям можно сделать несколько обобщающих дополнений, которые позволят несколько иначе взглянуть на правовую культуру Московской Руси.

[1] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века: в 2 т. Т. 1: Исследование; Т. 2: Описание редакций. М.; СПб., 2017.

© К. А. Костромин, 2026

Мария Владимировна связала появление большого числа Кормчих книг с появлением бумаги, сделавшей книги более доступными, и с установлением автокефалии, потребовавшей канонического оправдания[2]. Думается, что ключевыми причинами резкого распространения Кормчих книг были не техническая (появление нового писчего материала) и не ситуативная — в митрополичьей канцелярии была Кормчая, и это едва ли требовало особого ее последующего распространения. Причину распространения списков Кормчей надо связывать, думается, с тем же, почему после 1460 г. возрастает количество списков Уставов князя Владимира и Ярослава и появляется единственный сохранившийся список ярлыков на митрополию — с попытками Церкви защитить свое имущество, прежде всего недвижимое, от посягательств на него со стороны Ивана III и его правительства[3]. Речь идет о предыстории спора нестяжателей и иосифлян, вышедшей «на поверхность» в связи с «нелюбками» на Соборе 1503 г.[4] Вторая причина — формирование в 1470-х гг. митрополичьего архива, практически одновременно с великокняжеским[5]. С резким ростом делопроизводственной документации в начале 1460-х гг.[6] совпадает создание Софийской редакции Кормчей, состав которой не слишком отличается от Чудовской Кормчей, использовавшейся в середине века[7].

Сложно объяснить, почему такой вполне устойчивый сборник, как Кормчая, в 1510–1530-е гг. стал предметом экспериментов. Утверждение, что Кормчая использовалась для изобличения и осуждения новгородских еретиков и, в зависимости от состава, могла применяться в подтверждение или опровержение правоты нестяжателей,

[2] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 239–242.

[3] *Почекаев Р. Ю.* Изучение собрания ханских ярлыков Русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 8. СПб., 2017. С. 104.

[4] *Алексеев А. И.* Духовная культура Средневековой Руси. М., 2016. С. 100–104.

[5] *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. С. 4–5, 10–64.

[6] *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983. С. 36–40.

[7] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 273–275, 303.

относится лишь к объяснению состава Кормчих князя-инока Вассиана Патрикеева, митр. Даниила и игум. Нифонта (Кормилицына), но не помогает понять, как могла родиться сама мысль свободно менять структуру и состав Кормчей. Поскольку все три «авторские» Кормчие так или иначе связаны с Иосифо-Волоколамским монастырем, а количество их и правовых сборников в них не превышало максимальное количество таких книг в иных монастырях (не более десяти на монастырь)[8], это заставляет искать объяснение такой роли права в жизни данного монастыря и его влиятельных насельников. Обращает на себя внимание и то, что «правильники» в иерархии книг монастырской библиотеки и в соотношении с иными (небогослужебными) книгами занимали весьма скромное место среди святоотеческих творений «второго порядка» (к первому можно отнести «книгы болшие», Лествицы, «Исакы» и Патерики)[9].

Единственное объяснение, которое можно здесь найти: Вассиан Патрикеев, находившийся под впечатлением от споров после Собора 1503 г. о монастырском землевладении, видя, что спор кончился ничем[10], решил подкрепить аргументацию правовой основой и для личного пользования взялся перекомпоновывать Кормчую (предположение, что заказчиком Кормчей Вассиана был митрополит[11], М. В. Корогодина не поддержала[12]). Однако работа, выйдя за пределы скриптория, оказалась в великокняжеской библиотеке, а Вассиан создал еще три варианта Кормчей. Эти эксперименты вызвали упреки, поскольку посягательство на пересмотр Кормчей грозило обрушением ее авторитета.

[8] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 407–409.

[9] Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991. С. 32, 74. Видно, что в описи 1573 г. с дополнением 1591 г., по сравнению с описью 1545 г., юридических сборников в несколько раз больше. Т. е. «авторские» Кормчие появлялись в монастыре в тот момент, когда правовая книжность в нем только еще появлялась.

[10] *Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982. С. 202–209.

[11] *Синицына Н. В.* Вассиан (кн. Патрикеев Василий Иванович) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 255.

[12] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 322.

Однако ситуацию оказалось удержать очень трудно: пример оказался заразителен. В память о прп. Иосифе в ответ создаются еще две «авторские», на этот раз «антивассиановские» Кормчие — бывшего игумена митр. Даниила и игумена Иосифо-Волоколамского монастыря Нифонта (Кормилицына), созданные в 1530 — начале 1540-х гг.[13], как раз в то время, когда в этом монастыре оказался под надзором Вассиан. Обе Кормчие отталкивались от опыта Вассиана, причем предполагалось, что они будут задействованы в осуждении его не только за нестяжательские взгляды, но и по обвинению в ереси[14].

Такое творческое отношение к Кормчим (как отмечено выше, рискованное) характеризует сами сборники как живые и актуальные, используемые в правовой практике, а самих «экспериментаторов» как людей творческих, уверенных в своем авторитете и влиянии. Вассиан в таких надеждах не просчитался — весь XVI в. его Кормчие и черновые материалы служили предметом рефлексии в виде их копирования (в отличие от данииловской, которая до конца XVI в. просуществовала в единственном списке)[15].

Возникает естественный вопрос: почему с начала 1540-х гг. (а возможно, и раньше — после создания Кормчей Нифонта) творческое отношение к устойчивым правовым сборникам, к которым относятся Кормчие книги, прекратилось? Некоторое время в годы боярского правления отсылка к правовым нормам не работала[16]. Начиная же с конца 1540-х гг. Соборы собирались уже не исключительно для поставления архиереев, но для решения более сложных вопросов, требовавших правовой основы[17]. Соборная практика применения

[13] *Манохин А. А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и Кормчая Нифонта (Кормилицына) // Православная культура в период испытаний и потрясений: матлы научн. конф. «Макариевские чтения», 10–12 июля 2019 года. Вып. XXVII. Можайск, 2021. С. 80.

[14] *Манохин А. А.* Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве 1520–1550-е гг. М., 2025. С. 265–267 слл.

[15] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 310, 416–429.

[16] *Шапошник В. В.* Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. Изд. 2-е, испр. СПб., 2006. С. 26–43.

[17] *Усачев А. С.* Хронология работы Освященного собора Русской церкви в XVI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 12 (134), ч. I. https://doi.org/10.18254/S207987840028459-3 (дата обращения: 27.12.2023).

Кормчей существенно отличалась от полустихийных споров о жидовствующих и монастырском имуществе 1510–1530-х гг. Рутинное применение права (причем чем ближе к концу XVI в., тем менее отчетливо, поскольку авторитарные тенденции нарастали) привело к омертвлению правовой культуры и, вместе с ней, практики оригинальной работы с Кормчей. По мере восстановления ее статуса как нормативного сборника ее актуальность падала. Именно по этой причине, надо полагать, до сих пор не поставлен вопрос, как именно Кормчая книга (и какой ее текст) использовалась на переговорах об учреждении русского патриаршества. Вообще, надо признать, что если применение «авторских» Кормчих понятно, особенно даниловской (она использовалась на суде над Вассианом), то применение списков второй половины XVI в. представляется очень общо и неконкретно.

Первая половина XVII в. привела к значительной унификации применения Кормчей книги, о чем говорит появление всего лишь одной периферийной редакции — Кирилло-Белозерской, представленной всего четырьмя списками[18]. Процесс такой текстовой унификации сходен с тем, как естественной унификации в это же время подвергся текст Символа веры[19].

Недавно А. М. Пентковский выступил с идеей, что печатная Кормчая 1653 г., как известно, содержащая только единичные статьи славяно-русского происхождения, имеет вторичное значение для права и предназначалась, исходя из текста заключительной статьи, для учебных нужд. Это закрепляется, по его мнению, отсутствием декларации и списка архиереев и иных удостоверяющих лиц, которые придавали бы официальный, правовой статус этому изданию, прекращавшему рукописную традицию и, исходя из состава, начинавшему новую страницу истории бытования правовых сборников в России. В чем-то его мнение выглядит убедительным. Однако нельзя не заметить в начале Кормчей не только исторической справки о появлении Кормчей на Руси, но, что важнее, исторической справки и специально выполненных переводов официальных документов, в том числе (и прежде всего) греческих, об учреждении

[18] *Корогодина М. В.* Кормчие книги XIV — первой половины XVII века. Т. 1. С. 462.

[19] *Костромин К., свящ.* История славянского текста Символа веры через призму истории раскола XVII в. // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 32–65.

патриаршества на Руси[20]. Здесь есть и глухие отсылки к «правилам божественных апостол и святых отец»[21], и списки всех удостоверивших поставление Иова. Очевидно, это и есть удостоверение действительности всего сборника. Составители, изъявшие почти все славяно-русские статьи, добавили этот раздел[22], чтобы подчеркнуть преемственность печатаемой книги тем рукописным Кормчим, которые бытовали в Русской Церкви на момент установления патриаршества, а также тому православному консенсусу Поместных Церквей, который это установление санкционировал, легализуя в русской правовой традиции малороссийскую и греческую редакции[23]. «Византизм» печатной Кормчей актуализировал признание русской автокефалии православным зарубежьем и способствовал, по мнению Е. В. Беляковой, становлению русской государственности[24], хотя нельзя не обратить внимание на «первоочередность» Кормчей в рамках этой задачи — до издания Кормчей «руки дошли» только через сто лет после начала книгопечатания в Москве[25]. Эта неожиданная изменчивость середины XVII в. вернула Кормчей книге живость и актуальность. Впрочем, вопрос правоприменения Кормчей как сборника остается в стадии обсуждения.

Источники и литература

Алексеев А. И. Духовная культура Средневековой Руси. М., 2016. EDN XZKHVD

Белякова Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 34–50. EDN PJOHBX

Белякова Е. В. Книга Кормчая: к вопросу о соотношении первого московского печатного издания и рукописной традиции // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 87–110. EDN YIANYP

[20] Кормчая книга. М., 1653. Л. 10–25.

[21] Там же. Л. 17 об.

[22] *Белякова Е. В.* Первые опыты русской церковной историографии. К изучению известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008. С. 208–224.

[23] *Белякова Е. В.* Книга Кормчая: к вопросу о соотношении первого московского печатного издания и рукописной традиции // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 2016. Т. 64. С. 104.

[24] *Белякова Е. В.* Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «византизм» в русской государственности // Вестник Московского университета. Сер. 8: История. 2012. № 5. С. 34–50.

[25] *Белякова Е. В.* Книга Кормчая... С. 87.

Белякова Е. В. Первые опыты русской церковной историографии. К изучению известия о поставлении патриарха Филарета и Сказания об учреждении патриаршества // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М., 2008. С. 208–224. EDN ZCTNZZ

Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1983.

Зимин А. А. Россия на рубеже XV–XVI столетий (очерки социально-политической истории). М., 1982.

Книжные центры Древней Руси. Иосифо-Волоколамский монастырь как центр книжности. Л., 1991.

Кормчая книга. М., 1653.

Корогодина М. В. Кормчие книги XIV — первой половины XVII века: в 2 т. М.; СПб., 2017. Т. 1: Исследование; Т. 2: Описание редакций.

Костромин К., свящ. История славянского текста Символа веры через призму истории раскола XVII в. // Христианское чтение. 2012. № 3. С. 32–65. EDN RDMVPV

Манохин А. А. Сводная Кормчая митрополита Даниила и ее место в каноническом праве 1520–1550-е гг. М., 2025.

Манохин А. А. Сводная Кормчая митрополита Даниила и Кормчая Нифонта (Кормилицына) // Православная культура в период испытаний и потрясений: материалы российской научной конференции «Макариевские чтения», 10–12 июля 2019 года. Вып. XXVII. Можайск, 2021. С. 77–98.

Почекаев Р. Ю. Изучение собрания ханских ярлыков Русской церкви: направления, проблемы, перспективы // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 8. СПб., 2017. С. 98–110. EDN ZLMIOH

Синицына Н. В. Вассиан (кн. Патрикеев Василий Иванович) // Православная энциклопедия. М., 2004. Т. 7. С. 253–257.

Усачев А. С. Хронология работы Освященного собора Русской церкви в XVI в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2023. Т. 14, вып. 12 (134), ч. I (дата обращения: 27.12.2023). https://doi.org/10.18254/S207987840028459-3; EDN TOIVGN

Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М., 1951. Ч. 2. EDN TMZSIH

Шапошник В. В. Церковно-государственные отношения в России в 30–80-е годы XVI века. Изд. 2-е, испр. СПб., 2006. EDN PZRIKT

Archpriest Konstantin A. Kostromin

The Nomocanon Books of the Second Half of the 16th — First Half of the 17th Century as a Reflection of Legal Culture

Abstract. This article clarifies some aspects of the development of church legal culture in Muscovite Rus' through the history of the Nomocanon (Kormchaya) books. The increase in the number of Kormchaya books in the second half of the 15th century is explained by the development of a bureaucracy and the Church's attempts to protect its

real estate. A heated debate about this theme in the early 16th century led to emerge the individual editions of the Kormchaya book. Their subsequent use became more utilitarian, reflecting their declining relevance as they ceased to be objects of creative expression. The first half of the 17th century was marked by a new context: the aftermath of the patriarchate introduction (reflected in the introduction of a preface to the printed Kormchaya of 1653) and the renewal of its composition, which brought it back into the limelight, similar to the circumstances of 1510–1530.

Keywords: *History of Russian Church, Nomocanon, Kormchaia Book, Church Law, Vassian Patrikeiev, Non-Possessors*

For citation: Kostromin K. A. The Helmsman's Books of the Second Half of the 16th — First Half of the 17th Century as a Reflection of Legal Culture. *Tserkov'. Bogoslovie. Istoriia = Church. Theology. History,* 2026, no. 7, pp. 390–397. (In Russ.)

About the author: Kostromin, Konstantin Aleksandrovich, Archpriest — Cand. Sci. (History; Theology), Vice-Rector for Research, Associate Professor, Professor of the Church History Department at the St. Petersburg Theological Academy, Senior Researcher at the Institute of Theology of St. Petersburg State University (Russian Federation, Saint Petersburg). *E-mail: k.a.kostromin@mail.ru*